

ИЗ ИСТОРИИ СТРОИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В АРМЯНСКИХ ПОСЕЛЕНИЯХ ПОЛЬШИ

Дж. О. ГАЛУСЯН

В XVI—XVII вв. на территории Польши имелось значительное число армянских поселений. Армянские колонии, создававшиеся в основном в городах на юго-восточных границах Польского государства, играли заметную роль не только в экономической и политической жизни страны. Они являлись также очагами, сыгравшими определенную роль в развитии армянской культуры.

Одним из значительных армянских поселений в Польше была армянская колония города Львова. С момента своего возникновения Львов стал местом, где скрещивались самые разнообразные культуры, из которых «особенно выражено было западное — романское и восточно-византийское влияние, не говоря уже об армянском и татарском. В дальнейшем развитии эти факторы сыграли роль главных двигателей его существования»¹. Эта характеристика, данная Б. Янушем львовской культурной среде, как нельзя лучше выражает своеобразие и специфику не только города Львова, но и других пограничных польских городов, в которых имелись армянские колонии.

К характеристике Януша необходимо добавить, что в XVI в. в Польшу с Запада проникали различные культурные веяния, которые скрещивались с польской культурой. В XVI в., когда в Европе господствовало влияние итальянского Ренессанса, итальянские мастера находили широкое поле деятельности в странах Восточной Европы и в Польше в частности. Вслед за итальянским в Польшу проникало немецкое влияние, более всего проявившееся в городах, где издавна проживали немецкие переселенцы. С другой стороны, наличие на юго-восточных границах Польского государства в лице армянских поселенцев самостоятельного звена, выступавшего носителем восточной культуры, а также постоянное проникновение художественных идей стран Востока, с которыми в XVI—XVII вв. контакты Польши стали носить постоянный характер, обусловили разнородность культуры польских городов на юго-восточных границах страны.

В культурном наследии армянского народа особое место занимает средневековая архитектура и связанное с ней искусство орнаментальных украшений.

¹ B. Janusz, Zabytki monumentalnej architektury Lwowa, „Lwów dawny i dzisiejszy”, Lwów, 1928, стр. 18.

Благодаря высокому профессионализму армянских зодчих архитектура Армении в средневековом мире заняла особое место².

Армянский народ, вынужденный эмигрировать со своей родины и закладывать новые поселения, в первую очередь заботился о строительстве домов и церквей. Вначале это были деревянные строения (о них в источниках имеются лишь упоминания), в дальнейшем — каменные. Некоторые из них сохранились и по сей день.

Рассмотрим известные нам памятники армянской архитектуры на территории Речи Посполитой XVI—XVII вв. и проследим за той эволюцией, которую претерпела архитектура этих построек.

Во Львове и сейчас возвышается один из выдающихся архитектурных памятников — армянский кафедральный собор, состоящий из трех частей (каждая часть была выстроена в разное время и в разном стиле), но в целом композиционно составляющий единое целое. Самая древняя часть собора относится к XIV в., средняя была построена в XVII в., а новая часть — в XX в.

Старая часть собора выложена из тесаного камня, при ее возведении были применены традиционные методы строительства армянских мастеров. Как и в постройках на территории Армении, стены сооружены кладкой системы «мидис». Собор в течение многих веков подвергался многочисленным реставрациям и поэтому его первоначальный вид существенно отличался от современного. Время строительства львовского собора исследователи относят к 1356/1363 гг.³ Он был построен на средства крымских армян — Якуба, сына Шахиншаха, из Кафы и Паноса Абраамянца, которые не числились во львовской армянской общине, но, во всей вероятности, были тесно связаны с ней торговыми и другими узлами. Во Львове поселились лишь сыновья Паноса Абраамянца.

Первоначально церковь была весьма скромной и маленькой, имела три нефа. Основание двенадцатигранного купола было сооружено из тонких каменных плит, а перекрытие купола образовало ряд обожженных сосудов в форме горшков, одетых один в другой. Этим достигалась легкость купола.

Вопрос об имени строителя собора волновал многих исследователей. В хронике Б. Зиморовича⁴ им был назван некий Доре. Польский историк Вл. Лозиньский идентифицировал это имя с упоминаемым в львовских актовых книгах третьей четверти XIV в. немцем Дорингом. Т. Маньковский же, на основе другого документа XVIII в., считает, что собор был построен итальянским архитектором Дорхи, по-видимому, генуэзцем из Кафы, по заказу представителей зажиточной части крымских армян. Эта версия кажется более правдоподобной, и она принята в со-

² См. О. Х. Халпахчян, Средневековое зодчество Армении и его значение в истории мировой архитектуры, «Историко-филологический журнал», 1968, № 4.

³ T. Mańkowski, *Orient w polskiej kulturze artystycznej*, Wrocław—Kraków, 1959, стр. 38.

⁴ Его сведения не всегда точны. Так, время строительства собора он относит к

ветской историографии⁵. В XIV в. в Кафе было много армянских церквей, по образцу которых итальянец Дорхи должен был выстроить церковь во Львове.

Рис. 1. Общий вид Львовского собора.

В вопросе характеристики архитектурных форм собора мнения специалистов опять-таки расходятся.

В конце XIX в. впервые в историографии видный искусствовед Ян Боллоз-Антоневич выдвинул теорию о существовании характерной для той эпохи особой разновидности искусства, так называемого армяно-польского искусства, существенно отличающегося от византийского искусства. К характерным для этого типа постройкам он, наряду с армянскими церквями Каменец-Подольска и Язловца, прежде всего причислял

1363 и 1437 гг. См. B. Zimorowicz, Historia miasta Lwowa Krolestw Galicyi i Lodomeryi Stolicy, Lwów, 1835, стр. 113, 140.

⁵ Е. А. Яцкевич, Памятники армянской культуры во Львове, «Исторические связи и дружба украинского и армянского народов» (ИСД), Ереван, 1961.

львовский кафедральный собор, отмечая его важные архитектурные и декоративные особенности⁶.

Другой исследователь — В. Жила корни композиции львовского собора пытался найти в архитектуре кафедрального собора Ани, допуская влияние на архитектуру Львовского собора кавказской и византийско-русской архитектуры⁷.

Б. Януш, высоко оценивая роль армянских мастеров в архитектуре Восточной Европы и усматривая связь собора с украинскими церквами Львова и Галича, прототипом львовского собора считал собор в Ани и другие кавказские церкви. Он указывал, что непосредственное столкновение «на львовской почве с армянским элементом, подчеркнуло армянский характер собора, а ее прототипом могут служить не только собор в Ани, но и другие типичные для Кавказа церкви с конусообразными куполами»⁸.

У. Пиотровский отмечал в соборе влияние романского или армяно-византийского стилей⁹.

Исследования Т. Маньковского относительно личности архитектора дали возможность установить связь архитектурных форм львовского собора с армянскими церквами Крыма. Тщательно изучив архитектуру львовского армянского собора и сравнив ее с архитектурой церквей в собственно Армении — в Одзуне (VII в.), Текоре (V в.) и Ереруйке (V в.), ученый установил наибольшее сходство львовского собора с церковью в Одзуне.

Сохранение традиций армянского церковного зодчества при строительстве собора в далекой Польше было явлением неслучайным. Верность сложившимся образцам искусства была прежде всего принципом духовной жизни народа, этому же обязывал устав армяно-григорианской церкви. Отмечая, что львовский армянский собор сохранил основные черты архитектуры церквей Армении, Т. Маньковский усматривает в нем нечто общее с армянскими церквами Кафы, в архитектуре которых, в свою очередь, обнаруживается налет греко-византийской культуры. И это неудивительно, так как Крым, особенно Кафа, являлся промежуточным звеном между Арменией и Львовом. Особенно ярко проявилось сходство архитектурных форм в выступающей наружу полукруглой абсиде (в то время как в церквах Армении этого периода абсиды спрятаны внутри), а также в куполе, сложенном из глиняных сосудов, вкладываемых венцом один в другой по типу византийских. Во львовском соборе отсутствовала также система слепых декоративных аркад, украшавшая в Армении внешние стены церквей. Влияние армянской церковной архитектуры Крыма сказалась и в этом¹⁰.

⁶ J. Bołoz-Antoniewicz, O sztuce polskich ormian (architektura, malarstwo i ornamentyka), „Kwartalnik Historyczny”, t. 10, Lwów, 1896, стр. 729.

⁷ См. Wł. Zyla, Katedra ormiańska we Lwowie, Kraków, 1919, стр. 70.

⁸ B. Janusz, указ. работа, стр. 22.

⁹ См. J. Piotrowski, Katedra ormiańska we Lwowie. Lwów. 1925, стр. 13.

¹⁰ T. Mankowski, Sztuka Ormian lwowskich, Kraków, 1934, стр. 44.

В целом же архитектура львовского армянского собора и церквей Кафы, за исключением некоторого византийского влияния, является армянской. На существенное отличие армянской церковной архитектуры от византийской в свое время обратил внимание еще Ян Болоз-Антоневич, отмечая в «близком родстве..» их «большую разницу». «Известно,— писал он,— что византийское искусство стремится к масштабности и большому пространству: в математической конструкции оно исходит из квадрата и круга. В противоположность этим чертам в армянском зодчестве мы не наблюдаем больших форм, основой ее конструкции является параллелограм»¹¹. Если византийские церкви объемные и просторные, то характерной чертой архитектуры армянских церквей является прежде всего их стройность.

На наличие в архитектуре львовского собора мотивов армянской национальной архитектуры указывают также следующие особенности собора: в южной ее части с наружной стороны вдоль боковых нефов примыкает аркадная галерея, выстроенная в XV в., несущая типичные черты армянской архитектуры. К ней, с западной стороны фасада, примыкает низкая пристройка, характерная для армянских церквей,— жаматун (притвор). Во время реставрации собора в XVI в. (1508 г.) сохранилась лишь часть старой аркады, а часть галереи была достроена.

Интересно, что крыша купола собора, как и крыша нефов, сохранилась в целости. Она была сложена из каменных плит размером 74×105 см, толщиной 19 см и скреплена известью, то есть была аналогична крышам церквей Армении.

Средняя часть собора, достроенная в конце XVII в. на средства Лазаря Матяшовича уже в совершенно ином стиле, свидетельствует о полной утрате своеобразного армянского стиля. Эта часть была разрушена в 1908 г.¹²

При соборе имелась колокольня, сгоревшая во время пожара 1527 г. (на ее фундаменте в 1571 г. была построена другая колокольня, подвергшаяся в XVIII и XIX вв. новым перестройкам). Она была самостоятельной постройкой и отстояла от собора сравнительно далеко (как и колокольни при церкви св. Сергея в Кафе, аналогичные колокольням Армении).

Первоначальная колокольня, опиравшаяся на четыре пилона, в нижнем этаже была открыта с четырех сторон; наверху пилоны соединялись в арку и сводчатые перекрытия, на которых возвышался второй этаж (опирающийся уже не на массивные пилоны, а на легкие колонны), также открытый со всех сторон и заканчивающийся остроконечной крышей. В первоначальной колокольне Маньковский находит сходство с сохранившейся до наших дней колокольней церкви св. Сергея в Кафе — типичной для средневековой архитектуры армянских колоний.

¹¹ J. Boloż-Antoniewicz, указ. работа, стр. 729—730.

¹² См. D. Kajetanowicz, Katedra ormiańska i jej otoczenie, Lwów, 1926, стр. 9.

Выстроенная в конце XVI в. на фундаменте сгоревшей новая колокольня отличалась от прежней. Хотя в нижнем этаже она сохранила отдельные формы своей предшественницы, однако в целом утратила отличительные особенности армянской архитектуры, вобрав в себя как черты поздней западной готики, так и мусульманской архитектуры. Таким образом, она представляла собой конгломерат архитектурных форм стиля Запада и Востока.

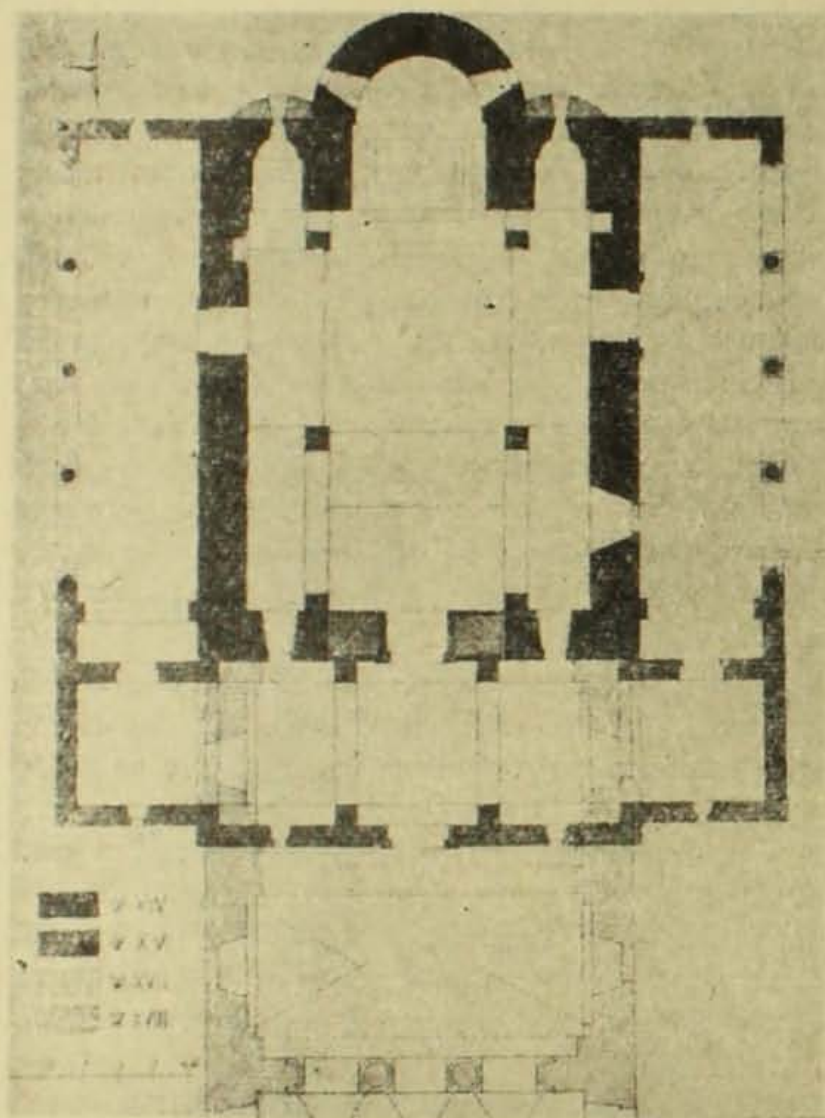

Рис. 2. План Львовского собора.

Описанная выше колокольня была выстроена итальянцем из Крыма Петром Красовским на средства армянского купца Андрея из Кафы. Об этом гласит надпись на старом портале: «В 1020 г. по армянскому летосчислению (— 1571 г.), в январе месяце ходжа Андрей из Кафы велел построить колокольню в честь умерших родителей Хачатура и Сары и брата Аведика и их родственников»¹³.

¹³ Описание см. Т. M a n k o w s k i, *Orient w polskiej kulturze artystycznej*, стр. 57.

Помимо кафедрального собора во Львове существовали еще три церкви: относящаяся к XII в. деревянная церковь монастыря св. Анны, на месте которой в XIV в. был выстроен из кирпича и камня собор; небольшая церквушка монастыря св. Якова, построенная в 1400 г. братьями Филиппом и Бернардом Бернатовичами, и деревянная церковь св. Креста, выстроенная во второй половине XIV в. Ежи Ивашкевичем в Краковском предместье, замененная в 1629 г. каменной, выстроенной на средства купца Исаака Агопсовича. Однако эти церкви в художественном отношении не представляют особого интереса.

На примере львовского кафедрального собора можно заметить, что традиции древнего церковного армянского зодчества в Польше хотя и были живы, но постепенно отмирали. В дальнейшем (в XVIII в.) они и вовсе исчезли, и культовые сооружения армянских поселенцев все больше уподоблялись европейским формам. Однако в XVII в. еще не было полной утраты традиций армянской архитектуры.

Другим, не менее крупным культурным центром польских армян являлся Каменец, часто называемый в литературе «польским Эчмнадзином». В юго-восточной части города жители армянской колонии имели свой особый квартал (до сих пор известный среди местного населения под названием «Армянского квартала»), занимавший довольно большую площадь. Здесь были расположены армянские церкви, магистрат и рынок; продолговатая площадь, окруженная высокими каменными домами и магазинами, украшалась четырьмя церквями — кафедральным собором (Успения Богородицы), церквями св. Николая, девы Марии и св. Стефана.

Кафедральный собор не сохранился. Он был сильно поврежден в 1672 г. во время штурма Каменца турками. В XVII в. на средства армянского духовенства храм был реставрирован (разобран в 30-х годах XX в.). Вначале собор был деревянным строением. В XV в. он был заменен каменным зданием, построенным, видимо, в традиционных формах армянского церковного зодчества, с некоторыми чертами византийской архитектуры. Так, западная сторона храма была украшена греко-римским фронтоном. Он был увенчан восьмигранным куполом, а вокруг него с трех сторон шли крытые галереи. Надо полагать, что храм был выстроен местным архитектором. Поодаль от него возвышалась высокая колокольня — четырехъярусное сооружение с пятью фигурными куполами (одним центральным и четырьмя маленькими по углам), построенное в XVI в.¹⁴

В юго-восточной части Армянского квартала и по сей день возвышается Благовещенский храм, выстроенный еще в XIII в., а может, и раньше. Это — миниатюрная однонефная церквушка, простая по своей

¹⁴ См. М. Ю. Брайчевский. Архитектурные памятники армянской колонии в городе Каменце-Подольском, ИСД, Ереван, 1971, стр. 291—292.

конструкции и плану. Форма здания — эллиптическая; стены — очень толстые, с массивными подпорами. Окна малого размера, похожи на боевые амбразуры¹⁵. Конструктивное своеобразие храма объясняется его назначением, поскольку в описываемое время церквям отводилась также роль крепости. Этот храм, являющийся одной из древнейших церквей Каменца-Подольского, построен Синаном Котлубеем приблизительно в 1398 г. Дату строительства собора помогает выяснить следующая запись на мшале (служебнике): «Этот мшал на память дарен в церковь святого архиепископа Чудотворца Николая в городе Каменце: написан в 798 г. армянской и в 1349 г. христианской эры в Крыму в городе Сурхате рукою господина священника Стефана, а через сорок пять лет эту рукопись купил каменецкий господин Синан, сын Хутлубея, и на память подарил в вышепоясненную церковь святителя Николая в 847 г. эры армянской и в 1398 году эры христианской 15 августа»¹⁶. Приведенное сообщение дополняется данными храмовданной грамоты, написанной в 1398 г. дьяконом Филиппом в присутствии самого архиепископа¹⁷.

С середины XVII столетия количество построенных церквей было не столь большим, так как новые церкви в основном воздвигались в тех городах, в которых возникали новые поселения, число же последних в это время уже не было таким значительным. К тому же, с течением веков армянские архитектурные традиции в польской среде начинали предаваться забвению, строительное искусство все более приспособлялось к местным формам.

Характерным примером может служить армянская церковь в Язловце, представляющая собой в плане прямоугольник, к которому с восточной стороны примыкает чуть полукруглая абсида, а на юге с нефом соединяется квадратная башня, которой с северной стороны соответствует четырехугольник ризницы. Прямоугольник разделен на нефы. Фасад — с треугольной верхушкой, в площадь которого вписана трехсторонняя аркадная ниша. Главный вход украшает красивый портал позднеренессансной эпохи. Окна сводчатые. Внутри своды цилиндрические с люнетами¹⁸. В целом язловецкая церковь выстроена в стиле Ренессанса, однако характер абсиды придает ей своеобразный колорит, подчеркивая армянские черты.

Церкви, построенные в XVII в. в армянских колониях Станислава, Снятыня, Замостья являлись уже в основном произведениями западного искусства.

¹⁵ См. М. Доронович, Армяне в Подолии, «Труды Комитета для историко-статистического описания Подольской епархии», Каменец-Подольск, 1878—1879, стр. 165.

¹⁶ S. Bałacz, Rys dziejów ormiańskich, Tarnopol, 1869, стр. 92.

¹⁷ См. Е. Сецинский, Исторические сведения о приходах и церквях Подольской епархии, «Труды Подольского епархиального историко-статистического комитета», Каменец-Подольск, 1895, вып. VII, стр. 179.

¹⁸ См. А. Czolowski i B. Janusz, Przeszłość i zabytki województwa Tarnopolskiego, Tarnopol, 1926, стр. 159.

В XVI в., когда возросла роль польских городов как торговых и ремесленных центров, особое значение приобрело гражданское строительство. Наряду со строительством богато украшенных «каменниц» (каменных домов в несколько этажей) польского городского патрициата, в XVI—XVII вв. в особом квартале,

как правило неподалеку от центра города—торговой площади, интенсивно строились дома армянских поселенцев. Во Львове, например, и в настоящее время имеется ряд армянских жилых домов XVI—XVII вв. Несмотря на всевозможные переделки, они все же сохранили некоторые черты и формы строительной техники армян. Это—дома на Армянской улице под номерами 26, 25, 35 (XVI в.), 17, 22, 30—33 (XVII в.), в некоторых из них сохранились элементы готики (25, 31, 32). В наиболее крупных домах на площади Рынок жили известные купеческие семьи Бернатовичей, Якимовичей, Яновичей, Якубовичей, Богдановичей и доктора медицины Андрея Шимоновича¹⁹. Помимо этих строений, сохранились армянские дома по улице Лесн Украинки,

которая в описываемый период входила в армянский квартал. Это—дома, относящиеся к XVI—XVII вв., под номерами 10, 12, 14, 16, 24, 26, 30, 32. Армянские дома имелись и в украинском квартале города. Так, по улице Русской стоит дом XVII в., над окнами и дверьми которого имеется надпись на армянском языке. На стене дома сохранилась эмблема винодела, выполненная в стиле Ренессанса²⁰. Расположенный в центре средневекового Львова на площади Рынок дом № 8 принадлежал известной армянской семье Бернатовичей (Николаю и Захарнашу). Привлекает внимание красивая решетка на балконе. Несмотря на поздние реконструкции здания, над окнами дома до сих пор сохранились торговые эмблемы армянских купцов Бернатовичей. Торговые эмблемы армянских купцов имеются также и на домах по ул. Армянской. Жилые дома на пл. Рынок (№ 24 и 22) в XVII в. принадлежала армянам. В доме № 22 в центре балки в виде розетки сохранилась мо-

Рис. 3. Орнамент колонны.

¹⁹ Е. Спачевiczowa. Czarna Kamienica i jej mieszkancy, Lwów, 1935, стр. 40, 41.

²⁰ Н. К. Кривонос. Памятники истории и искусства армян на Львовщине. «Радзівіцкі часопіс гісторыі і мастацтва», 1971, № 4, стр. 112.

нограмма, в которой было зашифровано имя строителя Габриела и дата постройки — 1614 г.²¹

Много гражданских построек XVI—XVII вв. сохранилось и в Каменце-Подольском. Интересными памятниками гражданского зодчества XVI—XVII вв. являются дома богатых купцов Якуба Легоновича (пер. Гоголя, 9), Аслановича (ул. Бебеля, 2), Баласановича (ул. Бебеля, 9)²². Своеобразным архитектурным памятником является восьмиугольная ка-

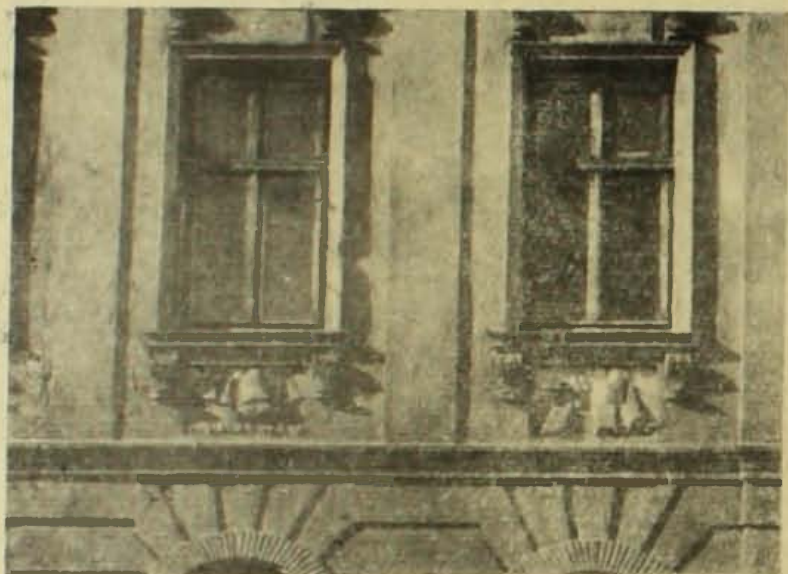

Рис. 4. Торговые эмблемы.

менная башня, называемая Армянским колодезем, расположенная в центре города на рыночной площади, перед фасадом польского магистрата. В башне находится прорубленный в скале колодец, глубиной 30 м²³. Он был выстроен в 1638 г. на средства армянина Нерсеса. Интересным историческим памятником является также дом армянского епископа, получивший впоследствии название армянского торгового дома, возведенный на рубеже XVI—XVII вв. В результате реставраций, произведенных в XVIII в., этот дом принял черты построек эпохи Ренессанса, свидетельствуя о той эволюции, которую претерпело армянское гражданское зодчество в колониях. Дома армянских поселенцев были расположены также на нынешней улице им. Толстого. Это была «типично восточная улица с высокими каменными стенами и глубокими подвалами, с остатками древних орнаментальных каменных оконных косяков и замурованных дверей»²⁴.

²¹ О. Х. Халпахчян, указ. работа, стр. 39.

²² С. Шкурко, Армянские архитектурные памятники в городе Каменец-Подольске, «Историко-филологический журнал», 1968, № 2, стр. 230.

²³ S. Barasz, указ. работа, стр. 95.

²⁴ С. Шкурко, указ. работа, стр. 240.

Из городов, основанных в XVI в., особое место занимает Замостье— владение Яна Замойского—один из лучших образцов ансамблевой архитектуры Ренессанса в Европе. Здесь от рыночной площади, окруженной домами, отходила Армянская улица, застроенная в основном одноэтажными домами. Здания, в которых жили армянские переселенцы, являются произведениями эпохи Ренессанса и не отличаются от других построек города. Однако декоративные украшения и надписи, вырезанные в камне, между окнами и на самих окнах, свидетельствуют о том, что их владельцами являлись армяне²⁵. Так, на Большом Рынке находился самый богатый армянский дом (пл. Мицкевича, 20), на балках которого вырезан орнамент в виде розет с геометрическим мотивом, а также датой окончания строительства — 1634. На перекладине видны инициалы и надписи на армянском и польском языках. В другом доме (№ 14) также были обнаружены три балки, украшенные мотивами нарезной розеты с армянской надписью²⁶.

Интересными памятниками армянских светских построек являются как каменный колодец в Язловце, выстроенный в начале XVII в. (1611 г.)²⁷, с сохранившейся армянской надписью, так и многие величественные здания XVI—XVII вв., в которых проживал армянский купеческий патрициат. Эти частные дома и общественные постройки свидетельствуют о высокой художественной культуре той немногочисленной части армянского народа, которая обрела вторую родину на польской земле.

Таким образом, прослеживая эволюцию церковного и гражданского зодчества в армянских колониях Речи Посполитой, следует отметить, что конец XVI—начало XVII вв. являются переходным периодом в его истории в том смысле, что в указанное время, как уже было сказано, происходил постепенный процесс трансформации армянских культовых сооружений в памятники искусства, характерного для Западной Европы эпохи Ренессанса. Этот процесс был обусловлен, с одной стороны, отсутствием какого-либо значительного, свежего притока армян в Речь Посполитую, а с другой — крайне неблагоприятной ситуацией, сложившейся в собственно Армении. Поделенная между Турцией и Персией, Армения оказалась в состоянии полного экономического упадка и культурного застоя. Поэтому национальная архитектура в армянских колониях Речи Посполитой, подвергаясь влиянию местной культурной среды, будучи оторванной от родной почвы, со временем стала впитывать в себя формы, свойственные европейской архитектуре.

С архитектурой культовых и светских сооружений тесно связано искусство декоративных украшений, и поскольку строительным мате-

²⁵ См. B. Janusz. Ulica ormiańska w Zamościu, „Gazeta Kościelna”, Lwów, 1917, № 31, стр. 367.

²⁶ См. Э. Триарский, О двух надписях польских армян из города Замостья, «Историко-филологический журнал», 1971, № 4, стр. 258, 259.

²⁷ См. A. Czołowski i B. Janusz, указ. работа, стр. 189.

риалом главным образом служил камень, то он и был основным материалом декора культовых и светских построек.

По традиции стены храмов украшались богатыми орнаментальными узорами, которые если даже и не сохранились до наших дней, то частично описаны в литературе. В этом отношении особенно интересна своей самобытностью декоративное убранство львовского собора. Орнамент собора сложный: плетеный или растительный. Он встречается как внутри собора, так и на внешней части его стены, а также на надгробных камнях, находящихся во дворе собора, в деталях архитектурного декора расположенной поодаль колокольни и в некоторых домах по Армянской улице. В специальной литературе орнаментальное украшение собора в целом относят к периоду, когда армянский стиль в результате покорения сельджуками Армении подвергался чужестранному влиянию. Так, Т. Маньковский считает, что армяне — декораторы-каменотесы, резчики по камню, работая на своих господ, постепенно заимствовали у сельджуков те формы стиля, которые им соответствовали. Однако, на наш взгляд, польский исследователь, не будучи специалистом этого вопроса, преувеличивает влияние орнаментальных мотивов сельджуков. Хотя он и признает взаимовлияние армянского и мусульманского искусств, однако отмечает, что со временем армянское искусство склонялось больше к мусульманскому искусству, а многочисленные армянские зодчие, мастера по камню, резчики, приспособлялись к нему, получая заказы от своих господ²⁸. Правда, он, в одном месте, оговаривает, что «талантливые армянские архитекторы, не находя работы у себя, шли на службу к туркам, внося в их искусство элементы армянского искусства»²⁹, приводя в качестве примера только одного известного турецкого зодчего — армянина Мимар-Синана (1489—1578). Однако этот пример не единичен. Известно, что строителем одного древнего сельджукского медресе в Малатии являлся армянин Тагавур, сын Стефана, а строителями одного из лучших памятников сельджукской архитектуры в Икони были Галуст и другие армяне, высекшие на стенах сооружения свои имена. Поэтому утверждение, что в архитектуре культовых сооружений на территории древней Речи Посполитой армянские мастера-резчики по камню были древнейшими распространителями сельджукского искусства, конечно, односторонне. Особенность армянских средневековых архитектурных сооружений заключается именно в их богатой декоративной резьбе, искусство которого достигло в Армении большой высоты. Архитектор О. Х. Халпахчян обращает внимание на то, что в «памятниках мусульманской архитектуры Ирана и сельджукидов Малой Азии влияние армянского средневекового зодчества прослеживается особенно заметно в композиционных построениях и приемах декоративного убранства»³⁰. Эти сооружения до сих пор не стали предметом специального

²⁸ T. Mańkowski, *Sztuka Ormian lwowskich*, стр. 54.

²⁹ Там же.

³⁰ О. Х. Халпахчян, указ. работа, стр. 55.

исследования, следовательно, не выявлены элементы армянской культуры, вложенной армянскими зодчими в «сельджукское» искусство. Армянские корни так называемого «сельджукского искусства» вскрыл академик Н. А. Орбели. Он исчерпывающе показал «местные армяно-грузинские корни развития «сельджукской архитектуры Малой Азии», местные армяно-грузинские корни богатейшей «сельджукской орнаментики»³¹. Завоевавшие Армению сельджуки стояли по сравнению с армянами, имевшими вековую историю и культурные традиции, на более низкой ступени развития. Сельджукское искусство выросло «из местных корней», на почве многовековой местной армянской и переднеазиатской культуры и «было вызвано к жизни тем социальным толчком, нанесением которого закаспийские кочевники содействовали развитию... новых форм культуры вообще, и на Кавказе, и в армянских областях Малой Азии, и в пройденном ими по пути Иране»³².

Самые древние орнаментальные мотивы львовского собора относятся ко времени его возникновения. Это резной в камне орнамент колонн, отделяющих центральную абсиду от боковых, состоящий из полочек и валиков, перекрещивающихся под углом друг с другом; карниз, находящийся наверху центральной абсиды, с плоскорезным орнаментом. Очень характерным, однако, является наличие в декоре собора чисто армянского элемента. Речь идет о сохранившихся 12 красивых, вырезанных в камне архитектурных розетах с неповторяющимся рисунком, с характерным армянским мотивом, и о вотивных крестных камнях-хаткарах, украшавших стены собора.

Лиственный орнамент в виде пальмы и ее ветвей, встречающийся на вотивных крестах во львовском армянском соборе, также имеет древнее происхождение. В специальной литературе этот орнамент называется «персидской пальметтой». Упомянутый орнаментальный мотив известен еще в урартский период, в дальнейшем же он нашел широкое распространение на армянских исторических памятниках IV—VII вв. и, в частности, на стене Одзунской церкви, с которой львовский собор имеет много аналогий, а также на памятниках более позднего периода. Высказано предположение, что почитание пальмы было связано с языческими верованиями Сирии и Палестины, стран, с которыми Армения издавна находилась в тесных культурных связях³³. Наряду с пальметтой в декоре львовского собора часто встречается орнаментальный мотив плетенки, характерный как для восточного искусства, так и для искусства Запада, особенно в раннем средневековье.

Большой интерес вызывает и орнаментальное украшение гражданских построек. В XVI в., когда Львов после пожара в 1527 г. стал факти-

³¹ О сельджукском искусстве см. Н. А. Орбели, Проблема сельджукского искусства, Избранные труды, Ереван, 1963, стр. 367.

³² Там же, стр. XIII.

³³ Г. А. Асмариан, Из истории геометрического растительного орнамента Армении (по образцам исторических памятников IV—VII вв.). Автореферат кандидатской диссертации, Ереван, 1972, стр. 13.

чески заново застраиваться, принимая новое, ренессансное облачение, порталы домов армянских поселенцев также испытали влияние западного искусства, сохраняя при этом в декоре армянские национальные мотивы. Так, каменный портал одного из несуществующих ныне армянских домов украшал восточный орнамент, аналогию которого искусствоведы находят в памятниках Брусы. Подобный орнамент каменщики Брусы создавали послойным укладыванием попеременно кирпича и дерева³⁴. Именно такой орнамент долго сохранялся на надгробных памятниках — на кладбище львовского армянского собора. Они имеют вид прямоугольника, со всех сторон обрамленного орнаментом. На самых древних плитах выступает геометрический орнамент, а в XVI—XVII вв. его вытесняет растительный узор, представляющий собой мотив переплетающихся с плодами виноградных листьев, часто встречающийся в обрамлении окон некоторых львовских домов XVII в.³⁵ Этот орнаментальный мотив, олицетворяющий идею плодородия, еще издревле был распространен в Армении.

В центральной части надгробного камня обычно выступал картуш с гербовым знаком умершего, находящийся под надписью в нижней части плиты. Сам картуш — это свидетельство восприятия армянами декоративных форм Запада.

Со временем влияние Запада усилилось, элементы восточного искусства сживались с мотивами западного барокко, создавая специфический, характерный лишь для юго-восточных окраин древней Речи Посполитой конгломерат стилей.

ԼԵՆԱՍՏԱՆԻ ՀԱՅԿԱԿԱՆ ԳԱՂԹՕՋԱԽՆԵՐՈՒՄ ԾԱՂԱՂԱԾ ՇԻՆԱՐԱՐԱԿԱՆ ԳՈՐԾՈՒՆԵՐՈՒԹՅԱՆ ՊԱՏՄՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐ

Ձ. Հ. ԳԱՂՈՒՍՏՅԱՆ

(Ա մ ֆ ո ֆ ու մ)

Լեհական պետության տերիտորիայում գտնվող հայկական ճարտարապետական հուշարձանների օրինակով հողվածում ցույց է տրվում այդ կառույցների էվոլյուցիան XVI—XVII դդ.: Նշվում է, որ լեհահայ գաղթավայրերում ևս հայ վարպետները պահպանել և շարունակել են շինարարական արվեստի ազգային ավանդները:

³⁴ T. Mankowski, Sztuka Ormian lwowskich, стр. 66.

³⁵ T. Mankowski, Orient, стр. 62.